

К постоянным читателям серии «Самая страшная книга»

Обращение М. С. Парфенова

Те из вас, кто взял в руки эту книгу лишь потому, что ранее посмотрел фильм ужасов «Рассвет», — можете смело перелистнуть следующие пару страниц и сразу приступить к чтению. Надеюсь, что потом вы познакомитесь и с другими книгами нашей серии. Поверьте, у нас в ССК — много, много разных сладких кошмаров, в которые можно нырнуть с головой... Главное потом вынырнуть, хе-хе-хе.

Надеясь на лучшее, с киноманами не прощаюсь. Но прямо сейчас я бы хотел обратиться к другим людям. К тем из вас, кто раскупил больше пятидесяти тысяч предыдущих «страшных книг», кому не надо отдельно представлять ни М. С. Парфенова, ни Олега Кожина — ведь мы с вами уже давно знакомы.

Может быть, с кем-то даже знакомы лично. В прошлом году у нас состоялось несколько приятных встреч с читателями в Москве, а в конце октября — на Хеллоуин, разумеется, — в Санкт-Петербурге прошел первый в истории «Самый страшный фестиваль». Там же, тогда же я впервые и объявил о том, что в серии «Самая страшная книга» будет издана новеллизация нового российского фильма.

Олег в то время как раз заканчивал работу над первым черновиком романа, так что безвылазно торчал в Петрозаводске и, понятное дело, в питерском празднике ужасов не участвовал. Зато там побывал режиссер «Рассвета» Павел Сидоров, который представил публике свой фильм и пообщался с гостями и участниками феста. И, конечно, это просто случайное совпадение, что такому приятному молодому человеку вопросы задавали сплошь представительницы прекрасного пола... А уже потом, в перерыве между мероприятиями (после выступления Сидорова желающие еще смогли опробовать очки виртуальной реальности для просмотра специального промо-видео фильма, а затем состоялись конференция с авторами «Самой страшной книги» и вручение премий «Мастера ужасов»), удалось перекинуться с Павлом парой слов и мне.

Это был совсем короткий разговор в курилке неподалеку от входа в магазин «Буквояд» на Невском. Вечерело, на город опускались сумерки. В Петербурге в это время года холодно, как в ледяном сердце Дантова ада. Ночью мне еще предстояло ехать поездом обратно в Москву, а Паша уже торопился на другое важное мероприятие. В общем, нам обоим было не слишком удобно вести долгие обстоятельные беседы. Но иногда люди как раз в таких ситуациях, что называется «на бегу», могут сказать нечто по-настоящему важное. Как раз потому, что придумывать, формулировать что-то новое в подобных обстоятельствах нет времени, и ты просто озвучиваешь какие-то мысли, которые уже давно крутились в голове.

Павел сказал мне, имея в виду при этом всех нас, пишущих хоррор на русском авторов: «Пишите, ребята! Нам в кино жуть как не хватает литературного материала, который мог бы послужить основой для хороших фильмов, а без хорошей истории в этом деле — никуда».

Видит бог, это правда. Без хорошей истории не получится ни хорошей книги, ни хорошего фильма. Здорово, что все больше людей это понимают, ведь схожие мысли ранее высказывал и продюсер «Рассвета» Владислав Северцев. Влад, кстати, проводит ежегодный конкурс сценарных заявок («Рассвет» снят как раз по сценарию, победившему в таком конкурсе) и все чаще обращается к авторам «Самой страшной книги» в поисках идей и сюжетов. И не он один, разумеется: хоррор в последние годы стал интересен очень и очень многим людям из мира кино и телевидения.

Вопрос в том, насколько интересно это может быть другой стороне, то есть нам, писателям и читателям?

Лично я считаю, что сотрудничество между сочинителями страшных историй и теми, кто снимает фильмы и сериалы (а также делает игры, рисует комиксы et cetera, et cetera), не просто имеет право на жизнь. За ним — будущее жанра.

Кто-то лучше управляется с камерой, кто-то — с пером. Разумеется, мы и дальше можем жить и работать сами по себе, но любые формы коллаборации в нашем общем деле будут способствовать развитию самого жанра. И это даже нет нужды доказывать, потому что «велосипед» уже

давно изобретен: достаточно просто вспомнить историю хоррора зарубежного.

Среди первых фильмов ужасов мы найдем экранизации «Франкенштейна» и «Дракулы». Среди сценаристов сериала «Сумеречная зона» увидим писателей Ричарда Матесона и Роберта Блоха (произведения обоих также были экранизированы, став знаменитыми фильмами). «Челюсти» Спилберга и недавний хит «Мег: Монстр глубины» сняты по книжным бестселлерам. Новый слэшер «Хеллоуин», равно как и новый «Хищник» получили официальные новеллизации. А роман «Звонок» Кодзи Судзуки породил целое направление в жанре — j-horror.

Зная и помня все это, я уже давно думал о том, что движение литераторов и кинематографистов навстречу друг другу обязательно должно помочь и тем и другим. Главное, сделать правильный выбор, наладить контакт с правильными людьми — чтобы не вышло так, что крепкий фильм новеллизует бездарный автор или, наоборот, талантливый писатель взялся бы за новеллизацию отвратительного кино.

Как раз тут свою роль довелось сыграть и мне. Северцева, который ранее спродюсировал самые успешные российские кинохорроры «Пиковая дама: Черный обряд» и «Невеста», я знаю уже два года. С Олегом Кожиным мы знакомы и того дольше. В таланте и устремленности их обоих — нисколько не сомневаюсь. Дело было за малым — свести двух одаренных и неравнодушных к ужасам и мистике людей и помочь им выпустить книгу, за которую ни одному ни другому в итоге не будет стыдно.

Сделать это оказалось не так уж и легко... На самом деле на тот момент, когда я со сцены кафе-читальни «Буквоеда» вещал о том, что мы скоро выпустим новеллизацию «Рассвета» — у нас еще не было никакого одобрения от издательства. Так что, делая публичную рекламу книге, которая вообще могла никогда не выйти, я рисковал. Как рискует и редакция «Астрель-СПб», потому что далеко не всякая новеллизация пользуется успехом. Как решили рискнуть, поддавшись на мои уговоры, Влад и Олег. И — поскольку прежде в «Самой страшной книге» мы никогда не выпускали таких романов — рискуете, конечно, и вы, наши читатели.

Но ужасы кажутся мне именно тем жанром, в котором без риска не обойтись — ровно так же, как в кино не обойтись без хороших историй. В конце концов, мы пишем книги (снимаем фильмы, делаем игры и т. д.) о том, что нас пугает, что представляет угрозу. С риском был связан и выход нашей самой первой «Самой страшной книги 2014», и создание антологий «13 маньяков» и «13 ведьм», в итоге ставших бестселлерами. Когда идешь непроторенными тропинками русского хоррора — неудачи поджидают за каждым кустом, и многое зависит от твоей прыти и смекалки. Первые авторские сборники в нашей серии («Запах», «Зона ужаса») было сложно издать из-за высоких рисков. Первый роман («Фаталист» Виктора Глебова) оказался, с коммерческой точки зрения, провалом, хотя я по-прежнему считаю его отличным увлекательным хоррор-читивом. Но теперь у того же Глебова появилась отдельная авторская се-

рия, в ССК мы готовим к изданию уже пятый авторский сборник, а «Рассвет» стал уже третьим сольным романом в серии. И на подходе еще один интересный проект — «серия-спутник» самых страшных книг, в которой будут издаваться небольшие, но очень крутые и интересные (и страшные!) романы ужасов.

И если вам покажется удачным наш новый эксперимент — новеллизация фильма «Рассвет», — то и эту историю мы обязательно продолжим.

Друзья — вместе с нами вы прошли долгий путь, так что позвольте называть вас «друзьями» и надеяться, что вы доверяете нам, доверяете мне как своему другу — друзья, от лица всей команды, трудившейся над изданием этой книги, я желаю вам приятного чтения. И мы будем рады прочитать ваши отзывы и рецензии как на фильм «Рассвет», так и на одноименную книгу. Ведь знаете, что еще интересно? Мы специально сделали так, что сюжеты фильма и книги, имея общую канву, значительно расходятся во многих деталях. И нам, конечно, любопытно, какая из версий этой истории вам понравится больше.

Глава первая

КОШМАР НАЧИНАЕТСЯ

ДНЕВНИК АНТОНА

(Ноябрь чт.-пт.)

Это сновидение я решил назвать «Мама». Варианты рассматривал разные: «Госпиталь», «Побег», а также кучу других, куда менее удачных. Я остановился на «Маме», потому что эта сцена — единственная точка во времени и пространстве, где я снова могу ее увидеть. Уверенность зрела давно, но все окончательно подтвердилось только сегодня. Снова с четверга на пятницу.

Есть дурацкое суеверие, что сны, увиденные в такую ночь, непременно сбываются. Чуть собачья, заявляю ответственно. Два года осознанных сновидений не дадут соврать. Ни разу ничего не сбылось. Зато благодаря этой бабкиной примете я наконец заметил цикличность. Пролистал старые записи — так и есть: чаще всего «Мама» приходит именно с четверга на пятницу. Уж не знаю, с чем это связано.

Я пытался вызывать этот сон в другие дни — впустую. Не помогла даже полная осознанность действий. Образ мамы словно заключен в этом диковатом отрезке, похожем на сцену из фильма ужасов. Он приходит, когда пожелает сам, и, я думаю, это не случайно. Сегодня он приходил снова.

Снилась мама. Странно, я ведь почти не помню, какой она была, только по фотографиям. Ее мимика, пластика движений — все давным-давно стерлось из памяти. Однако во сне движения и эмоции конструировались убедительно и достоверно.

Заметки на полях:

Т. е. будь мама жива, уверен, она бы двигалась и говорила именно так.

Мы снова находились в каком-то госпитале. Так я прозвал эту локацию. Именно госпиталь — такое слово приходит на ум при виде старых стен, вытертого тысячами ног кафеля и накрытых простынями тел на громоздких металлических каталках. Даже запах лекарств, формалина и разложения наталкивал на мысли о том, что это какое-то место из прошлого. В современных больницах пахнет иначе. Уж я-то знаю.

Заметки на полях:

Еще одна интересная деталь: обоняние работало на полную. Настолько, что, пробудившись, я еще некоторое время очень явственно ощущал неприятные ароматы госпиталя.

Это первый сон, в котором я реально почувствовал запах.
Интересно, что об этом скажет Лаберин?

Мама выскочила из ниоткуда, изрядно напугав меня. Совсем молоденькая, всего на пару лет постарше, чем на последнем фото. Простоволосая, в больничной сорочке, похожая на призрак. Живот большой, мама вот-вот разродится, но во сне мне никак не удавалось вспомнить кем. У меня есть брат? Или сестра?

— Антон! Вот ты где!

Паника на ее лице уступила место сосредоточенности. Мама схватила меня за руку — больно, я зашипел от неожиданности — и вскрикнула. Долго, невероятно долго она смотрела на меня: ощупывала взглядом, казалось, готовая в любой момент сорваться испуганной ланью, бросив меня одного в этом жутком месте.

Вероятно, испуг отразился на моем лице. Мама отбросила сомнения и потащила меня на улицу. Она тоже была чем-то сильно напугана. Впрочем, неудивительно. У меня самого от этого места: мрачных коридоров, душливых запахов, накрытых каталок, стоящих вдоль стен, — мурашки ползли по спине.

— Держись крепче! Не выпускай мою руку! Слышишь? Ни за что не выпускай мою руку!

В зеркале у пустого гардероба я поймал свое отражение. Маленький взъерошенный воробушек, только что очнувшийся ото сна. Лет пяти, от силы шести. Крохотная ладошка тонет в маминой руке. На мне тоже больничный халат. Маленький Каспер рядом с мамой-привидением.

Коридор все тянулся и тянулся. «Разве бывают такие длинные коридоры?» — подумал я во сне. Бесконечные серые стены с редкими проемами дверей и окон, старые шкафы с медицинским оборудованием. Свисающие почти до пола белые простыни и жутковатые абрисы сокрытых под ними трупов. Я похолодел, представив, сколько покойников обитает в этой безразмерной трубе.

Мы бежали мимо них, тяжело дыша и выбиваясь из сил, пока мама вдруг резко не остановилась. С последним шагом будто прорвалась невидимая мембрана, и мы оказались возле лифта. Мама с надеждой бросилась к нему, едва не вывернув мне руку из сустава. Но еще до того, как двери лифта открылись, я услышал странный тревожный стук из кабины. Мама застыла, потрясенная. Попятилась, забыв про меня. Я не сразу понял, что ее напугал не звук, а красный мяч, медленно катящийся к нам из раскрытых створок. При виде безобидной детской игрушки меня пробрала сильная дрожь. Захотелось оказаться как можно дальше от мяча, от нарастающего стука, от страшного лифта, и я повернулся, чтобы бежать.

Крепкая рука, мужская, мертвенно-синяя, с отросшими ногтями, схватила мое запястье. От испуга я даже не смог закричать, лишь громко втянул воздух. Захрипел. Сохраняя очертания лежащего человека, на каталке поднималась простыня. Тело выпрямилось, ткань бесшумно упала вниз, складками легла на пояс. Я опустил голову, спрятал взгляд среди грязных кафельных плиток. Синеватая рука подтягивала меня

ближе, а я все не смел взглянуть на неприкрытое мертвое тело.

Собрав остатки храбрости, я попытался вырваться. Обернулся и увидел маму. Далеко-далеко, в самом конце коридора, на другом краю Вселенной, где с жуткой медлительностью открывались двери стучащего лифта.

— Антон! — обреченно закричала мама, протягивая руку.

Но здесь, на этом краю Вселенной, другие руки, мертвые, жесткие, воняющие разложением, тянули меня в темноту. Кто-то невидимый стиснул мое плечо. Схватил за ногу. За больничную рубашку. Когтистая пятерня больно вцепилась в волосы. Тысячи рук, миллионы пальцев тащили меня, и тревожный грохот все усиливался, подменяя стук крови в висках, стук самого сердца. Захрипев, я рванулся в последний раз, на пределе возможностей, до боли напрягая мышцы...

Меня вышвырнуло из сна, как брошенный катапультной снаряд, и я еще долго не мог прийти в себя, мучаясь болью в голове, да и во всем теле. Только часа через два сообразил подойти к зеркалу. Все тело покрывали кошмарные синяки, местами сильно напоминающие следы от пальцев. На макушке, ближе ко лбу, отсутствовал клоч волос.

В этот раз я не прошел сон до конца. Нас с мамой остановили гораздо раньше. В прошлый раз нам хотя бы дали выйти из госпиталя. Если так пойдет дальше, то полноценное сновидение, а вместе с ним и последние воспоминания о маме скоро превратятся в невнятный отрывок. Надо найти в себе силы прорвать блокаду. Не просто

пройти сон до конца, а сделать это осознанно. Необходимо — пусть это тысячу раз неприятно, пусть больно, ведь я знаю, чем все закончится. Не зря же, выбирая название для этого сновидения, я долгое время всерьез рассматривал другое, более точное. «Смерть мамы».

Багажник оккупировали бутылки. Два здоровенных пакета заняли почти все свободное место и предательски звенели, стоило к ним прикоснуться. Придерживая крышку багажника, Света с сомнением разглядывала покупки.

— Конова?! Але, кисунь, ты чего залипла? — словно бесенок-искуситель, из-за левого плеча вынырнула Настя. — Маловато будет?

— В магазине казалось маловато, — честно призналась Света. — А теперь я не очень-то понимаю, как мы все это осилим. Я ведь даже никого особо не приглашала...

— Ну, во-первых, как устроитель твоей днюхи, о гостях я позаботилась. Уж я-то тебя знаю как облупленную и догадываюсь, кого ты будешь рада видеть...

— Да я, по-моему, уже ни с кем, кроме тебя, не общаюсь.

— Ой, не свисти! Я девчонок с нашей работы позвала, из универа пару человек. Мальчиков!

Она многозначительно приподняла бровь.

— А во-вторых?

— А во-вторых, теперь я сама думаю, что маловато будет. — Лицо Насти сделалось подчеркнуто

серьезным, даже озабоченным.— Потому что ты же пьешь как запойный алкаш! — выпалила она и расхохоталась.

— Да ну тебя,— Света фыркнула.— Тоже мне, устроитель торжеств и праздников...

— Ладно, Конова, не дуйся! — Настя скорчила ехидную физиономию.— Хочешь, я тебе коктейль вкусный замучу, «Наглая обезьяна»?

— Кто-о-о?!

— Что «кто»? — Настя улыбалась уже настолько широко, что казалось, вот-вот треснут уголки рта.— Я говорю, коктейль «Наглая обезьяна». Специально для тебя нашла! Водка, белый ром, апельсиновый сок...

— Я тоже тебя люблю.

Дружески пихнув Настю плечом, Света принялась разгружать багажник.

Полгода назад Света решила, что переходная стадия между куколкой и бабочкой затянулась, и начала окончательно перебираться во взрослую жизнь. Она была морально готова перелопатить тонны объявлений об аренде жилья, но случилось так, что первый же подвернувшийся вариант влюбил ее в себя сразу и окончательно. Света тогда только-только устроилась на работу в салон сотовой связи и никак не ожидала, что смешливая девушка Настя уже через час после знакомства примется изливать ей душу, жалуясь на съехавшую с квартиры соседку-предательницу и то, как тяжело в одиночку тянуть аренду.

У Светы не было поводов считать себя везучей. Напротив, жизнь чаще доказывала ей обратное. Но в этот раз Света почувствовала, что сорвала джекпот. Компактная трешка с двумя

спальнями, проходной гостиной и крохотной кухонькой. С относительно свежим ремонтом и адекватными соседями по лестничной клетке. Не центр, но и не задворки, хороший спальный район. И, что немаловажно, по деньгам вовсе не заоблачно.

Да, бонусом к этому великолепию шла Настя, чье навязчивое желание дружить Свету слегка напрягало, но на фоне сплошных плюсов этот неявный минус казался несущественным! Так что она собрала пожитки и съехала от тети Лары, в доме которой жила с самого рождения. А уже через месяц не могла и представить, что когда-то знать не знала энергичное взбалмошное веселое, дружелюбное чудо по имени Настя.

Новая подруга была старше на два года, но выглядела как студентка-первокурсница. Русоволосая, зеленоглазая, с тонкими чертами лица, Настя напоминала русалку. Как в таком теле уживался огненный темперамент ифрита, Света не понимала. Случалось, она даже завидовала немудреному Настиному умению послать все по-дальше и просто веселиться. Но куда больше завидовала тому, что при покупке спиртного продавщицы в супермаркетах все еще спрашивали у Насти паспорт.

В который раз Света мысленно поставила себя рядом с подругой. Сравнение выходило не в пользу Насти. Миленькая, симпатичная, она все же уступала подруге, которую с полным основанием можно было назвать красивой. К себе Света всегда относилась критично, но на контрасте отмечала и правильные черты лица, и высокий

чистый лоб, и пухлые, четко очерченные губы. Как-то один несостоявшийся кавалер сказал ей, что ее губы просто созданы для поцелуев. Банальщина, конечно, но Света была польщена. Вот и еще одна загадка: в отличие от ее отношений, никогда не перерастающих во что-то серьезнее походов в кино, Настины любовные похождения взрывались каскадами фейерверков, гремели, как рок-концерт, и выжигали мужские сердца походя, не особенно напрягаясь. Загадка и еще один повод для зависти. Впрочем, исключительно белого цвета.

Пыхтя под весом пакетов, подруги добрались до своего этажа. Аккуратно поставив ношу на ступеньки, Света зарылась в сумочку в поисках ключей.

— Стоять.

Бутылки тревожно звякнули, когда Настя опустила пакеты на пол.

— Ты дверь запирала?

— Запирала...

Света охнула — тяжелая стальная дверь была приоткрыта на ладонь. В подъезде вдруг повисла подозрительная тишина. Даже долетающие с улицы звуки стали глуше, невнятнее. Света поймала себя на мысли, что замерла, как почувывший хищника зверек, не зная, то ли переждать, то ли рвануть с места, спасая жизнь.

— Поздравляю, подруженька,— мрачно сказала Настя.— Нас обнесли.

— Да что там брать? Ни денег, ни драгоценностей. Разве что телевизор хозяйский...

Света заметила, что старается говорить негромко, почти шепотом, и смущенно замолкла.

— Ага, нечего! Я туфли новые купила! Блин!

Настя пошарила в пакете, выудила бутылку потяжелее. Перевернутый «Мартини» в ее кулаке напоминал стеклянную гранату.

— Насть, ты куда?! — шепотом запротестовала Света.— А вдруг они еще там?! Вдруг у них оружие?!

— Конова, если эти сволочи стырили мои туфли, им никакое оружие не поможет!

Приоткрыв дверь, Настя скользнула в квартиру. Тишина стала невыносимой. Пытаясь сообразить, что же делать дальше, Света вынула телефон, нервно покрутила в пальцах. Секунды тянулись, как прилипший к подошве гудрон. Вязкое время обволакивало, лишало воли.

«Настя-Настя, ну куда ты полезла?! К черту эти туфли, коза ты сумасшедшая! Возвращайся! Пожалуйста, возвращайся!» — думала Света, терзая несчастный телефон.

«Надо звонить в полицию,— решила она наконец.— Надо позвать соседей и идти к Насте...»

Из квартиры раздался приглушенный испуганный вскрик. Что-то грохнулось на пол. Позабыв обо всем, Света бросилась на выручку подруге. Сжав в кулаке ключ, она пронеслась через прихожую и только тут поняла, какую глупость совершила. Надо было сперва постучаться к соседям, позвонить в дежурную часть, а теперь она, беззащитная, один на один с опасными грабителями, и бог знает что случилось с Настей... Света застыла посреди гостиной, не понимая, что делать дальше. Закричать? Вдруг незваные гости испугаются и убегут?!

— Насть? — робко позвала она.

Через окна беспрепятственно лился вечерний свет, все еще яркий, но уже порождающий смутные тени. В каждом углу мерещились сгорбленные силуэты. Слышалось чужое дыхание и шорохи. А за шторами явно кто-то...

Из-за штор они и выпрыгнули. А еще из-за дивана, из-за шкафа, из плотно занавешенной спальни. Материализовались, как злые духи из страшных сказок. Налетели. Света взвизгнула, отшатнулась, выставя перед собой ключи, смешное бесполезное оружие.

— Сюрпри-и-и-из! — вразной заорали тени, развеивая морок.

Запищали гуделки. Взорвалась запоздалая хлопушка. В глазах зарябило от ярких колпаков и букетов. Перекрывая смех и торопливые поздравления, в потолок стрельнула пробка от шампанского. На ватных ногах Света добралась до дивана и с облегчением рухнула в его мягкие объятия.

— Господи, ну вы и придурки! Я чуть ежа не родила!

Борясь с предательской слабостью, Света все же нашла в себе силы рассмеяться. Получилось немного нервно. Из кухни, цокая каблуками новых туфель, вышла Настя, скорчила невинную физиономию: мол, я не я, и задумка не моя. Света швырнула в нее подушкой, и подруга, подобрав платье, проворно выскочила в прихожую. Усиленный подъездным эхом, донесся звон бутылок и ее деловитый голос.

— Та-а-ак, как тут поживает наше завтрашнее похмелье?!

С наигранной строгостью Света обвела взглядом улыбающиеся лица гостей. Требовательно хлопнула ладонями по обивке дивана.

— Коктейль! — приказала именинница. — Мне срочно нужен коктейль!

— Если что, я изначально был против.

Едва заслышав родной голос, Света вскочила, позабыв про слабость в коленках. Из кухни, смущенно прижимая к груди подарочный сверток, вышел Антон. Радостно вскрикнув, Света повисла на брате, уткнулась носом в ложбинку у шеи.

— Пришел, — будто не веря, шепнула она ему на ухо.

— Ну, честно говоря, думал пропустить. Староват я для детских утренников, — попытался отшутиться Антон. — Но потом вспомнил, что у тебя день рождения, и...

— Только в день рождения о сестре и вспоминаешь! — Света стукнула его кулаком в грудь. — Если бы я не была так рада тебя видеть, знаешь, что...

— Знаю, заслужил, — Антон кивнул. — Признаю свою вину. Меру, степень, глубину.

— Да ну тебя, — Света еще раз крепко стиснула его в объятиях. — Такая ты, Тошка, зараза, слов нет! Но я очень рада тебя видеть!

Между ними вклинилась Настя, с маргаритами в обеих руках. Всучила бокалы, вынула откуда-то еще один, для себя.

— Именинница, ваши гости отвратительно трезвы! — она звонко чокнулась с подругой и воздела бокал к люстре. — Давай не томи! С днем...

— ...рожденья! — подхватили гости. — С днем рожденья! С днем рожденья!

— Ура-а-а-а! — заголосила Света, и, пригубив коктейль, с головой окунулась в праздник.

Ночь решительно вымела с улицы остатки дневного света. Торопливо развесила гирлянды звезд, прикрутила убывающую луну на самое видное место и теперь тайком подглядывала в неспящие окна, завистливо вздыхая над чужим праздником. Гости давно разбились на группки. Курили на балконе и кухне. Эмоционально обсуждали чью-то личную жизнь. Склевывали со стола остатки закусок и нарезанных фруктов. Кто-то включил «Муз-ТВ», где глянцевая певичка-однодневка, изгибая силиконовое тело, пела о большой чистой любви. Веселье выдыхалось. Смех звучал все тише, а тосты в честь именинницы — все реже. Коктейли смешивались лениво, нехотя. Голоса гудели хоть и громко, но устало.

Света, Антон и Настя расположились в гостиной, доигрывая игру, с чьей-то легкой руки названную «тарантинками». Оранжевые стикеры украшали лоб каждого, и Настя комично закатывала глаза, силясь разглядеть, что написано на ее бумажке. Света довольно поджала губы, разглядывая свой аккуратный почерк. «Наглая обезьяна» — мелкая месть за дурацкий розыгрыш, но после шестого бокала ничего умнее в голову не пришло.

— Так. Сейчас же мой ход, да?

«Наглая обезьяна» поставила пустую маргариту на пол. Соловый взгляд прошелся по друзьям,

ненадолго задержался на их «тарантинках». Настя сдавленно хрюкнула. Собралась, постучала ярко-алым ноготком по стикеру.

— Я красивая?

— И красивая, и умная,— намекая на бородастый анекдот, ответила Света.— Как бы не разорваться.

— Хм-м-м,— не уловив намек, Настя задумчиво потерла висок кончиками пальцев.— А там случайно не мое имя написано?

— О, не настолько умная и чуть менее красивая! Давай, Тошка, твоя очередь.

Задумчиво пожевав губы, Антон спросил:

— Я — вымышленный персонаж?

— Иногда мне кажется, что да.

В голосе Светы прорезалась грусть. Она не хотела, само вырвалось. На «тарантинке» брата она написала свое собственное имя. С детства у них не было никого ближе друг друга. Мама умерла, рожая Свету. Отца они никогда толком и не знали: тот сбежал, едва узнав о второй беременности жены. У него уже давно была другая семья и дети... трое, кажется. Воспитанием Светы и Антона занималась мамина сестра, тетя Лара, которая, конечно же, маму заменить не могла.

В последнее время Света заметила, что брат отдаляется, перестает делиться с ней переживаниями, становится замкнутым. Списывала все на работу, где Тошка, бывало, пропадал ночами, сдавая очередной проект. Да и у самой дел навалилось невпроворот. Последний год она впервые жила сама по себе. Друзья, работа, увлечения, банальная усталость, и вот на брата,

который был ей и отцом, и матерью, уже не остается времени. Но, что хуже всего, он, кажется, и сам не особо жаждал встреч. Что ж, дети растут, думала Света, их пути расходятся. Но иногда, как вот сейчас, например, она испытывала острые приступы щемящей тоски по старым временам и в самом деле задавалась вопросом: а уж не выдумала ли она своего старшего брата?

Антон потер щеку. Задумчиво посмотрел на сестру. Кажется, сообразил, что говорит она не о его персонаже, а о нем самом. Он хмыкнул и решил поддержать игру.

— Хорошо его знаешь? Знакома с ним?

— С ней! — поправила Настя, взглядом указывая на подругу. — Это она!

— Ну-у-у... Скорее, наслышана.

Настя скорчила недоумевающую физиономию.

— С ним, с ней... запутали, нафиг! Вы кого отгадываете вообще?

Пошатываясь, она двинулась к столу, размахивая пустым бокалом. Компания у стола раскатисто захохотала, глядя на ее стикер.

В отсутствие громоотвода в лице Насти Антон молчал. Света видела, что ему неловко, но глаз он не отводил. Брат с детства куда лучше нее играл в гляделки. Вернулась Настя, плюхнулась на диван, едва не расплескав коктейль. Света хлопнула в ладоши.

— Так, значит, моя очередь! — она указала пальцем себе на лоб. — Я мужчина?

— И еще како-о-ой! — Настя игриво пихнула Антона локтем в бок.

— Отлично. Я умный?

Протяжно вздохнул Антон. Почесав затылок, он бросил беглый взгляд на «тарантинку» сестры и пожал плечами:

— По всей видимости — не очень.

Света закусила ноготь большого пальца. По ехидным смешкам Насти, по виноватому взгляду Антона она догадалась, что — вернее, кто — загадан ей. Но все же решила проверить.

— А случайно нет ли у меня дурацкой привычки пропадать надолго и не отвечать на звонки неделями?

Брат все же отвел глаза, покаянно повесил голову. Все его проигрыши в гляделки Света могла пересчитать по пальцам. Да и в этих случаях Антон скорее сдавался сам. Что ж, пора добивать, решила Света.

— Ну и, видимо, у меня целая куча важных дел, про которые даже родной сестре не рассказывать, так?

Антон поднял руки — дескать, сдаюсь. Под редкие аплодисменты подруги Света сняла стикер со лба, удостоверяясь в правильности догадки. «Антоша Конов», так и есть! С победной ухмылкой прилепила «тарантинку» брату на рубашку.

— Типичный Антон! — фыркнула Света.

Крыть «типичному» Антону оказалось нечем. Он и сам это понимал, а потому поспешил перевести неприятный разговор на другую тему. Стикер перекочевал со лба к нему в руки.

— Я — «Света Конова»? — недоверчиво прочел он. — А-а! Я сняла квартиру, потому что взрослая и самостоятельная? Эта Света?

— Ты так говоришь, как будто это плохо! — Настя изобразила опасный бандитский при-

щур.— Ты смотри, она со мной, если что! Понял, да? Кстати...

Со второй попытки она все же сняла свою бумажку. Долго щурилась и моргала, выстраивая скачущие перед глазами буквы в нужный порядок.

— Наг... лая... Наглая обезьяна?! Нормально, слышь! Я, между прочим, сегодня нарядилась! — возмущенно выпалила она.

И напряжение развеялось. Антон наклонился вперед, звонко приклеил свой стикер на лоб Свете.

— Это на случай, если утром не сможешь вспомнить, как тебя зовут.

Сняв с рубашки «гарантинку» сестры, наклеил ее с левой стороны, чуть ниже ключицы. У сердца, поняла Света.

— А это на случай, если не сможешь вспомнить, как зовут твоего непутевого брата, который не звонит неделями и пропадает месяцами.

— Что, вымышленный персонаж, опять исчезнешь? Увидимся на следующем дне рождения?

Такт никогда не был сильной стороной Насти, но сейчас она превзошла саму себя. Подскочила, одной рукой придерживая платье, другой — бокал, и резво умчалась в прихожую. Там уже надевали обувь, придерживаясь за стены и друг друга. Слышался хмельной смех, заплетающиеся голоса. Кто-то прихватил с собой бутылку вермута и разливал «на ход ноги». Праздник незаметно завершился, довольные гости расплзались по домам.

человеческой психики, что самому Безликому станет страшно!

Е. К.: Для меня самое главное в хорроре — это его способность удивлять меня как зрителя. Я сейчас, безусловно, очень сильно обобщаю, однако именно фильмы ужасов чаще представителей остальных жанров дарили мне то, что мы называем зрительским удовольствием.

В. С.: Знаете, как говорит профессор Лаберин в фильме:

*Это идеальное место, чтобы встретить
лицом к лицу свои страхи.*

Чего вы боитесь на самом деле?

Замкнутого пространства? Смерти?

*А, может, жизни, которая проходит мимо
вас?*

Загляните внутрь своей тьмы.

Признайте своих демонов.

Лишь в этом случае вы увидите рассвет.

И это будет рассвет вашего разума.

Мне очень нравятся эти слова. Жаль, что у наших героев «что-то пошло не так»...

Содержание

К постоянным читателям серии	4
Глава первая. Кошмар начинается	10
Глава вторая. После Антона	37
Глава третья. Ночь Безликого	63
Глава четвертая. Лаберин	72
Глава пятая. Лабиринты сна	88
Глава шестая. Коллективное сознательное	102
Глава седьмая. Пробуждение	121
Глава восьмая. Призраки	140
Глава девятая. Снаружи	162
Глава десятая. Осознанное	184
Глава одиннадцатая. За дверью	210
Глава двенадцатая. Прошлое есть сон	240
Глава тринадцатая. Бегство	255
Глава четырнадцатая. Уровень ноль	279
«Рассвет» хоррора: от фильма к новеллизации	297